

«Черная дыра» Георгия Жженова затягивает и актеров, и зрителей

Андрей Житинкин уже не первый раз берется за бенефисы всеми почитаемых актеров. Его последняя работа в Театре им. Моссовета — «Он пришел» по пьесе Джона Пристли «Инспектор пришел» — бенефис Георгия Жженова.

Программка спектакля отсылает нас к тем временам, когда пьеса впервые была поставлена в Москве, в Камерном театре (это, кстати, произошло раньше, чем ее публикация на языке оригинала). Тогда пьесы Пристли, особенно такие, как «Опасный поворот» и «Время и семья Конвей», были необычайно популярны, и, прорываясь на встречу с писателем, московские студенты выломали дверь, что, естественно, не могло не расстроить Пристли. Сегодня, конечно же, на его пьесу дверей ломать не будут, хотя пьеса о коллективной вине, поделенной между всеми членами общества, а значит, не обременяющей никого конкретно, хоть и неприятной, собирает полные залы.

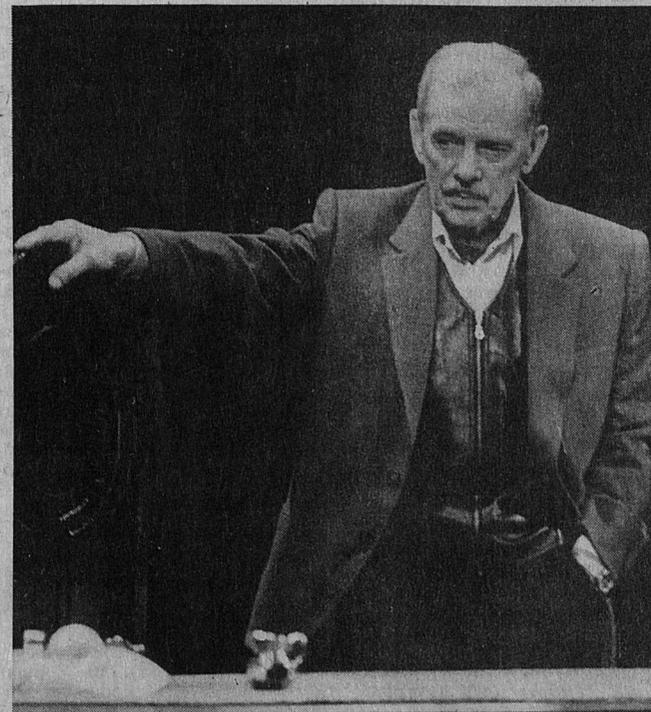
К тому же можно предположить, что рассказ о том, как некий загадочный инспектор доказал энному количеству базалополучных людей, что все они так или иначе виноваты в смерти некой Евы Смит (собирательный образ невинной жертвы), бо-

лее близок бенефицианту, нежели ностальгически-трогательные пьесы о театре, которые обычно ставятся на бенефис.

Прелюдия, призванная продемонстрировать почетное семейство, разрушение и разоблачение которого произойдет в течение спектакля, изобилует такими громко кричащими намеками (черный провал комнаты, трагическая мимика матери, красное пятно пролитого на салфетку вина), что не терпится поскорее перейти к главному. Так предчувствие беды всегда кажется хуже самой беды. И главное, точнее, главный, в конце концов появляется. Георгий Жженов в роли инспектора Гуля значит в программке последним, словно специально пропускает всех вперед. До поры до времени. Его присутствие на сцене лишено эффектных мизансцен, он в основном сидит в углу, ведя свой мучительный допрос — мучительный не только для его обвиняемых, но и прежде всего для него

самого. Движения скупы, голос сух и бесстрастен, рисунок роли начисто лишен каких бы то ни было внешних эффектов. И тем не менее все внимание зрителей и все старания его партнеров направлены на него. Он как остывшая звезда, чьи протуберанцы страстей, мыслей и жизненных драм погасли, но превратились в страшную массу, которая с огромной силой притягивает все, что попадает в ее поле. И в эту «черную дыру» летят к черту все попытки членов семьи сохранить приличия, сохранить свою траекторию в жизни.

Каждый, естественно, делает это по-своему, каждый оказывается в полном одиночестве под бдительным оком инспектора Гуля, фигуру которого можно трактовать по-разному — от близкого человека погибшей девушки до провидца или Высшего Судии — на усмотрение зрителей. Борис Иванов в роли главы семейства Артура Берлинга с обаянием отрицательного героя продельывает путь от дутого авторитета до жалкого заложника страха перед разоблачением (причем под конец продельывает этот путь по второму разу с огромной скоростью, когда начинает верить,

что инспектор Гуль был некой мистификацией, а потом узнает, что какая-то девушка все-таки скончалась в больнице). Нина Дробышева в роли его жены Сибил использует откровенно гротескные нотки, чем слегка разряжает сдержанно-напряженную обстановку. Больше сочувствие вызывает младшее поколение семейства Берлинг, особенно Шейла (Елена Валюшкина), в которой раньше всех проснулся человек и позже всех заснул. Можно сделать слегка утешающий вывод, что хоть молодое поколение и не лучше старого, оно не будет так яростно и самонадеянно отказываться от своей вины. При этом продолжается серия намеков на то, что творит-

ся в душе героев, только на сей раз это сделано действительно страшно — мечущиеся силуэты сквозь стекло верхнего окошка, которое периодически высвечивается и вновь пропадает в темноте.

Однако нравственная проповедь инспектора Гуля уже не становится кульминацией — сегодня вообще откровенная дидактика вряд ли достигнет былых целей. А вот открытый и при этом безжалостно-определенный финал оставляет смутную тревогу о твоей собственной причастности к коллективной вине.

Ольга ФУКС.

Фото

Михаила ГУТЕРМАНА.